

К Р О К О Д И Л

№ 9-10 МОСКВА 1944

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

ГОД ИЗДАНИЯ XXXII

ЦЕНА НОМЕРА — 80 КОП.

К 556/44
Срещиналовский
Ленинградский

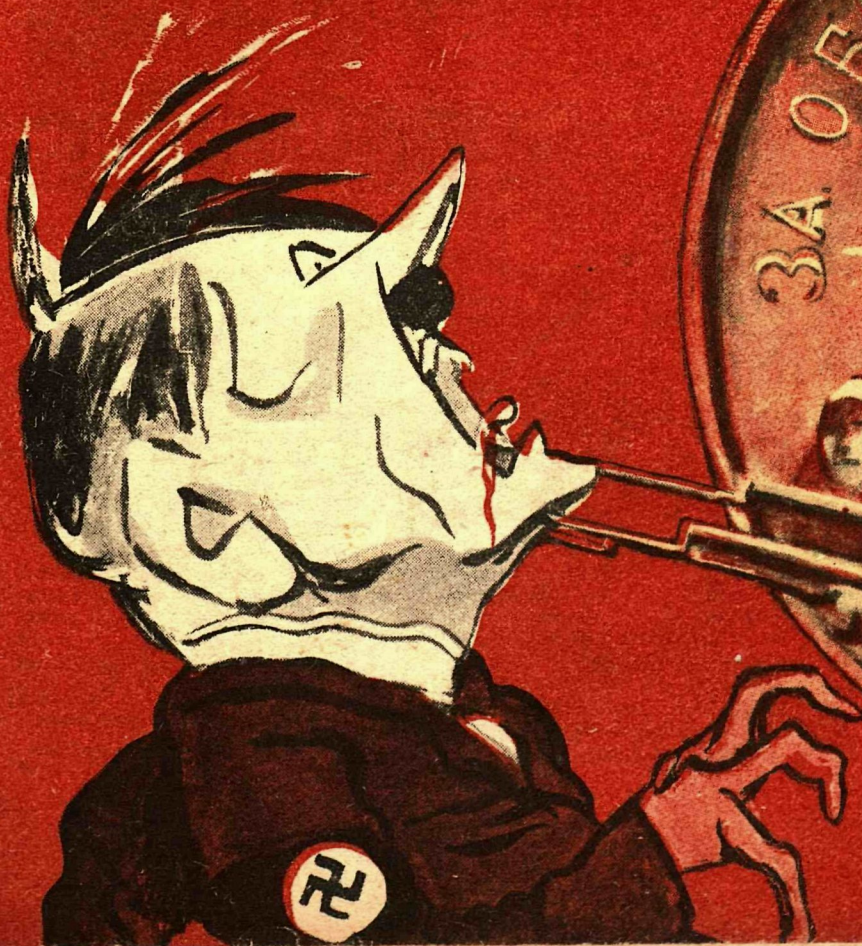

Рис. Л. Бродяга

ОКОЛОВОДИТЕЛЬ ПО ЛЕНИНГРАДУ

Составлен военным учёным—геодропом и архилоухом Фридрихом-Амалией-Каналией-Ракалией фон дер Вошке по специальному заданию германского верховного командования для частей немецких армий, находившихся под Ленинградом

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Предлагаемый труд был первоначально задуман мной как путеводитель. Точнее: задуман он был не мной. Задумывает всё, как известно, фюрер, забавляя нас тем самым от труда не только задумывать, но и задумываться. Пользуясь поэтому случаем подчеркнуть, что если мы теперь всё чаще задумываемся, то это отнюдь не вина фюрера, а исключительно Красной Армии.

Итак, этот труд был задуман как путеводитель, долженствовавший служить пособием для всех немцев, победоносно вступивших в Ленинград.

По чисто техническим причинам, первоначальный план потерпел некоторые изменения: в Ленинград вошло значительно меньшее количество немцев, чем нами предполагалось, и этот контингент вошедших в путеводителе не нуждается, поскольку обслужен на месте опытнейшими экскурсоводами, называемыми у русских

конвойными. Но, взяв не только обязательство, но и аванс, лично врученный мне г-ном Габбельсом ещё летом 1941 года, я считаю необходимым выполнить порученный мне труд. Так возник предлагаемый ныне читателю околоводитель.

Учёный военный
Ф. А-К-Р фон дер Вошке,
геодроп и архилоух

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

По вполне проверенным источникам, город был основан Петром I отнюдь не как город, а просто как окно, а именно: окно в Европу. Однако приходится сомневаться в этом утверждении, ибо при всём нашем опыте проникновения сквозь окна в чужие помещения мы несмотря на наличие превосходного набора соответствующих инструментов (отмычек, артиллерии, фомок, танков и ломов) вынуждены были отказать от проникновения через это окно.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

При ближайшем рассмотрении город оказался близко расположен у моря. Но к впуску наших армий город, при ближайшем же рассмотрении, оказался далеко не расположен. Эти явно противоречивые данные о расположении Ленинграда не дают возможности подробно остановиться на его географическом положении.

НАСЕЛЕНИЕ

Категорически опровергаем слух, будто всё население Ленинграда к нам враждебно. В действительности, немцам оказали сопротивление только мужчины, женщины, старики, старухи, юноши, девушки, мальчишки, девчонки, все военные и штатские. Все же, не входящие в это перечисление, отнеслись к нам вполне благожелательно, что даёт нам опромное моральное удовлетворение.

РОД ЗАНЯТИЙ

О занятии населения мы имеем самые точные данные. Основное занятие его в настоящее время—это занятие Лигова, Ораниенбаума, Петергофа, Пушкина, Гатчины, Тосно, Новгорода, Луги, Гдова и т. д.

Размеры моего труда не дают возможности перечислить все эти занятия, тем более что количество их ежедневно множится и мне не хотелось бы, чтоб мой труд был назван отстающим, поскольку отставать сейчас (особенно от наших частей) сопряжено с несомненным риском. Поэтому я ограничиваюсь вышеприведённым перечислением, чем выгодно отличается от русских войск, которые этим далеко не ограничиваются.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

С продукцией ленинградской промышленности мы ознакомились превосходно. С одной стороны, необходимо объективно отдать ей должное: доставлялась она к нам несбычайно аккуратно и точно. Другое дело—качество этой продукции. Оно исключительно непрочное: так, советские снаряды, мины и авиабомбы, как только достигали нас, немедленно рвались. Таким образом, нельзя сказать, что снабжение было бесперебойным. Напротив, это снабжение никогда не обходилось без перебоя огромного количества наших частей.

ПУТИ СООБЩЕНИЯ

Теоретически в Ленинград можно приехать либо с суши (с любой ж.-д. станции, например со станции Дно) либо с моря. Но русские пути сообщения так запутанны, что наши суда, приближавшиеся с моря, почему-то, как правило, попадали на дно, а войска, находившиеся на суше, вынуждены были покинуть Дно.

Поэтому сообщение с Ленинградом оказалось ограниченным. Но мы восполнили этот пробел колоссальным количеством сообщений о скором взятии нами Ленинграда.

АРХИТЕКТУРА

Архитектура города оставляет желать много лучшего. Главный её порок, с точки зрения подлинно культурного немца, заключается в том, что нам не удалось полностью разрушить её так, как мы это задумали. Однако, не имея возможности изменить коренным образом вид Ленинграда, мы вынуждены были самым коренным образом изменить наши собственные виды на Ленинград, причём отмечаем, что в этом население города оказало нам самую существенную поддержку.

МУЗЕИ

Что находилось в ленинградских музеях к моменту нашего появления под Ленинградом, мы по чисто техническим причинам не можем сообщить. Зато можно поговорить об огромном культурном вкладе, сделанном нами в некоторые из этих музеев.

Так например Военный и Морской музеи мы обогатили целым рядом новых экспонатов.

Вообще у самого населения сведения о собственных музеях не совсем точны. Так например их путеводитель утверждает, что в Эрмитаж попасть очень легко от 12 до 4 часов дня ежедневно. Это чистейший вымысел. При всех наших ста-

раниях и днём и ночью нам за два с лишним года, кажется, всего один раз удалось попасть в Эрмитаж; причём причинённое этим попаданием разрушение оказалось ничтожным.

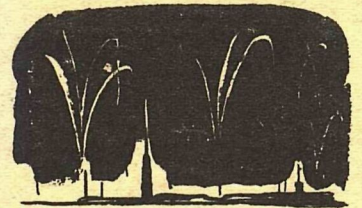
ГОСТИНИЦЫ

Одной из наиболее привлекавших нас ленинградских гостиниц была «Астория». В ней-то мы и наметили торжественный банкет по случаю взятия нами Ленинграда.

Было установлено не только число приглашённых, но и все блюда меню этого знаменательного банкета. Банкет не состоялся по причинам чисто кулинарного характера: заварилась такая каша, что расхлебывание её не даёт нам до сих пор времени приступить к остальным блюдам великолепного меню.

ЗРЕЛИЩА

Остаётся сказать лишь о зрелищах. В течение всего срока нашего пребывания под Ленинградом мы были так заняты, что буквально не могли ни разу вырваться, вернее врываться, ни в один из ленинградских театров и знаем лишь, что они функционировали совершенно исправно. Что касается до других зрелищ, то мы принимали живейшее участие в их организации. Так, одними из зрелищ, имеющих наибольший успех у ленинградцев, являются наши дальнобойные орудия, выставленные на площадях города.

Эффектнейшим зрелищем был, как говорят, великолепный салют, данный ленинградцами в честь наших проводов. Но, к сожалению, расстояние, на котором мы в тот момент находились, не дало нам возможности увидеть его. Но мы смело можем говорить о нём по слуху, ибо гром 324 сухопутных и морских орудий явственно донёсся до нашего слуха. Этим торжественным моментом мы полагаем возможным закончить наш труд, который, несомненно, является прекрасным пособием для всех желающих дойти по нашим стопам.

Перевёл с немецкого
Николай АДУЕВ

Оживлённое движение на Невском проспекте.

Воскресенье

НЕЯРКОЕ солнце слабо и нежно касалось наших щёк. Садя на скамье маленького углового сквера, у стены полуразрушенного дома, Миша Поляков рассказывал мне:

— Мама, папа, мой младший брат и я — мы приехали в Ленинград из такого города, где не было зоосада. Там были свиньи, кролики, лошади и утки. Но я, конечно, больше всего хотел видеть мамонта с бивнями. И когда я узнал, что мамонтов больше нет и что на свете остались только слоны, я стал думать, как бы их повидать.

И вдруг мы приезжаем в Ленинград и начинаем жить на Зверинской улице. Она называется так потому, что рядом, в зоосаде, живут самые разные звери: индокитайская свинья, бегемот, «Красотка», двугорбый верблюд. И, самое главное, слониха Бетти.

Я стал просить маму: «Мама, пойдём к Бетти». Но мама отвечала: «Ты этого не заслужил».

— А ты действительно этого не заслужил? — спросила я Мишу.

Миша замаялся, но ответил:

— Действительно. Но это было из-за моего младшего брата. Мой младший брат как раз тогда недавно родился. Он днём спал, а ночью плакал. А я — нет: я ночью спал, а днём плакал. Мама сердилась и говорила: «Хоть бы вы наладились спать и плакать в одно время, а так просто невозможно!» Но я не мог плакать ночью.

— А не плакать днём ты не мог? — спросила я.

Миша покачал головой:

— Нет, я был ещё очень маленький. Но всё-таки я старался, и мама стала замечать это. И даже папа, хотя он был у нас очень занят: он был доктор.

Одни раз мама говорит: «В это воскресенье мы все пойдём в зоосад». В это воскресенье я встал очень рано и приготовился идти. Мы ждали только папу. И вдруг мама говорит:

«Мы не пойдём в зоосад. Сегодня началась война, и наш папа уже на войне».

Скоро немцы стали бросать в нас бомбы. И, самое главное, в зоосад. Звери многие страшно испугались и стали разбегаться. Одного соболя потом нашли в оркестре оперного театра. Бизон, бедный, упал в бомбовую воронку, такую глубокую, что она покрыла его всего, вместе с его высокой гривой. А слониху Бетти осколком ранило так сильно, и она так мучилась, что пришлось её пристрелить. Уж не знаю, когда у нас теперь будет новый слон.

— А твой младший брат тоже любит животных?

— Он их одно время совсем не знал. Прошлой весной увидел в магазине кошку и спрашивает: «Что это такое?» Он ни кошки, ни собаки ни одной тогда не знал.

— Но теперь-то он их знает?

— Теперь у нас кошка и трое котят. Когда начинался обстрел, мы клали их в папин портфель и уходили к соседям: у них квартира на необстрелянную сторону. А кошка идёт сама.

— А днём ты ещё плачешь когда-нибудь?

— У меня времени нет: я маме помогаю. Она мне говорит: «Расти скорей, ты мой помощник». Но когда она увидела, что моё зимнее пальто на меня не лезет, она расстроилась и сказала: «Ты так растёшь, что за тобой не угонишься». Вот видите, как получается: то расти, то не расти.

— Конечно, расти, — посоветовала я. — Твоя мама просто пошутила.

— Вот и я так думаю, — ответил Миша.

— Вырастай скорей. Ты счастливее: тебе предстоит жить на земле, избавленной от ужасов гитлеризма.

Сказавши это, я спохватилась, что передо мной ребёнок, что он не поймёт меня. Но он прекрасно понял. Его серые с искорками глаза просияли.

— Вот и я так думаю! — воскликнул он. — Я расту, и мой младший брат тоже растёт. Он уже

окончил ясли и поступил в очаг. Я говорю ему: «Скоро вернётся папа. Опять будет воскресенье. Мы все пойдём в зоосад. И никто не будет бояться».

И, увидав эту картину будущего, нарисованную ребёнком, я закрыла ослеплённые глаза. Мне почудилось, что зимнее солнце, в одно мгновение обежав земной шар, снова показывало весну человечества.

Вера ИНБЕР

Ленинград.

ЧАСТУШКИ

Просветлело в Ленинграде
С замечательного дня:
Сто зарубок на прикладе,
Сто улыбок у меня.

Наше дело — бить орду,
Чтоб ей было, как в аду,
А возможно, хуже ада —
За страданья Ленинграда!

Мы воюем, мы мужаемся,
Пощады не даём,
Мы с фашистами сражаемся,
Пока не перебьём!

Все пройдем наперечёт
Горки да пригорочки —
С немцами мы сведём расчёт
До последней корочки!

Немцы биты, немцы биты,
С немцем мы ещё не квиты,
Только с теми, что убиты,
Мы, пожалуй, что и квиты!

Александр ПРОКОФЬЕВ

Ленинград.

Рис. К. Елисева

Белые ночи в Ленинграде...

Чёрные дни в Берлине.

НА АНИЧКОВОМ МОСТУ

Ряд укрытых от обстрела памятников и скульптур Ленинграда возвращается на место.

Рис. Л. Бродяги

Конюшников прогнали.

Настоящая карельская берёза.

(Из дневника лейтенанта фон Швайнвурста)

Наконец и моя рота вступила в Павловск. Обозревал знаменитый парк.

У входа бестактный плакат: «Пускать скотину на территорию парка воспрещается».

Я звёл в парк свою роту.

Осматривал Павловский дворец. Ничего примечательного!

Всё примечательное вывезли, повидимому, стоявшие до нас во дворце эсэсовцы. Они всегда нас опережают!

Хайль Гитлер! Меня перевели в город Пушкин. Ещё недавно, говорят, он был только Детским Селом, но...

Лучше быть первым в селе, чем последним в городе! (Авось хоть здесь можно будет чем-нибудь поживиться!)

Нет правды на свете! В Екатерининском дворце расположились, оказывается, кавалеристы, и нам, пехотинцам, пришлось удовольствоваться бывшими дворцовыми конюшнями.

Ничего! Хоть и конюшни, а всё же дворцовые!

Меня всегда влекло к придворной жизни.

Посетил знаменитый дворец.

Много картин, но ни одной порнографической открытки! Странно! Уж не опередили ли нас и здесь эсэсовцы? Очень досадно!

Начинаю входить во вкус придворной жизни.

Пил во дворце чай за малахитовым столиком. Пытался выковырять ножом кусок малахита, но безрезультатно. Пришлось тащить на себя весь столик.

Заодно, разумеется, прихватил и фарфоровую чашку.

Стиль барокко, говорят, отличается лёгкостью.

Я с этим несогласен. С трудом дотащил люстру в этом стиле до своей конюшни!

Продолеваю входить во вкус придворной жизни.

Ходит слух, что нас переводят в Петергоф. Не возражаю!

Я всегда мечтал посмотреть, как бьют петергофские фонтаны.

Петергофские фонтаны бьют очень хорошо.

Неплохо бьёт и Красная Армия. Поговаривают о каких-то разбитых немецких дивизиях.

Упаковал на всякий случай музейную фарфоровую чашку.

Ох, как бьёт этот фонтан!.. То есть эта советская артиллерия!

Придворная жизнь кончилась!

При отступлении потерял в числе прочего две чашки: фарфоровую и коленную. Обе разбиты осколком!

Э. ЯКОВЛЕВ

Трофейные дураки ✓

НА ОДНОЙ из площадей Ленинграда стоит огромная немецкая пушка. В мире артиллерийских орудий она вроде слона. Её с гордостью перетаскивали немцы из Германии к Ленинграду. Для неё соорудили специальную бетонную площадку, потому что обыкновенная земля не держит это металлическое чудовище. Её привезли немцы и установили специально для разрушения Ленинграда.

Но вот стоит безвредной трофейной громадой немецкая пушка на площади Ленинграда, и советские дети издеваются над ней. Стоит она, преглупо разинув свою пасть, — велика немецкая Федора, да дура.

Стоило бы окружить эту дуру-пушку коллекцией немецких трофейных дураков.

Трофейный дурак № 1. Это профессор Шюсслер, учёный дурак при Гитлере. Он выступил 20 ноября 1941 года в здании Берлинского университета от имени Германского института внешних сношений. Немецкое радио передало во все концы его пространный доклад. Шюсслер доказывал ссылками на историю, что Ленинград должен быть разрушен до основания, что он является не чем иным, как ошибкой истории, что он не имеет права на жизнь и немцы должны теперь исправить «преступление» Петра Великого.

Посадить бы теперь дурака-профессора рядом с дуру-пушкой.

Трофейный дурак № 2. Он швед по происхождению и немецкий бандит по призванию. Некогда он был знаменит: его прославили исследования в Азии. На старости лет он упал в буйное детство дефективного ребёнка. Его зовут Свен Гедин.

В декабре 1941 года он приветствовал немецкие войска, подошедшие к Ленинграду, и заявил, что «Ленинград должен быть сравнен с землёю». Он задыхался от злобы, кашлял в старческом изнеможении, брызгал слюной и из Стокгольма угрожал Ленинграду высохшим кулачком. Шведская газета «Дагенс нюхетер» писала тогда: «Свен Гедин хладнокровно предлагает полностью уничтожить после немецкой победы миллионный город».

Под дуру-пушкой нашлось бы уютное местечко и для дурака Свена (Свина?) Гедина.

Трофейный дурак № 3. Его имя нам неизвестно. Он выступил перед микрофоном 18 апреля 1942 года. Он говорил о близком конце Ленинграда, находясь на немецких позициях у самого города. Он начал так: «Мы вблизи Ленинграда. Погода сегодня очень ясная. Пушки молчат».

Пушки молчали в этот день. Дурак говорил. Он сказал уверенно: «Наша артиллерия и наш воздушный флот при любых обстоятельствах должны пробить и пробыть брешь в позициях противника». Он говорил, что судьба Ленинграда предрешена и что он и его спутники, может быть, последние люди на земле, которые увидят Ленинград. Город будет разрушен. Таково веление «фюрера».

Сколько в Германии таких дураков! Их бы штабелями сложить у подножья немецкой дуры-пушки!

Трофейный дурак № 4. Этот может, сидя верхом на дуру-пушке, отпраздновать годовщину своего выступления на радио в Берлине. Он квалифицированный дурак, потому что выступал в феврале 1943 года, когда германская армия украсилась уже изрядным количеством синяков и покрылась в разных местах солидными шишками.

Этот дурак заявил, что Пётр Великий совершил явный промах, когда выстроил столицу якобы «на шведско-финской территории».

Дурак говорил: «Но была ли эта столица действительно столицей России? Город, построенный на шведско-финской территории, никогда не стал русской столицей».

Дурак говорил: «Ленинград должен быть разрушен и будет разрушен. На его месте останется голая болотная плешь».

Немецкая дура-пушка стоит на одной из площадей Ленинграда. Это памятник немецкой тупости и жадности. Немцы вырыли глубокие ямы под Ленинградом, чтобы схоронить в них навсегда развалины Ленинграда. Но они сами попали в эти ямы.

Ленинград стоит неколебимо, как Россия.

Д. ЗАСЛАВСКИЙ

Они неторопливо пьют чай.

Маленькую опрятную комнатку Фадееча под лестницей на первом этаже дворник Пахом с уважением называет кабинетом. Самого Фадееча, украшенного несколькими метрами золотого галуна, Пахом считает большим человеком. Но не за внешнюю мишуру, нет! Больше всего дворник ценит в человеке ум и просвещение, широту кругозора.

Пахом очень польщён, что Фадееч пригласил его к себе в «кабинет» на чашку чая. Тоже не всякий дворник может удостоиться такого почтения со стороны старого швейцара гостиницы «Астория»!

Но дело опять-таки не в угощении, а в приятной беседе. Пахом старается не ударить лицом в грязь и всячески поддерживает серьёзный разговор.

— Удивляюсь я вам, Фадееч, — говорит он, — как это вы седьмую чашку чаю хлебаете при одной и той же конфетке?

Старик наставительно замечает:

— Не числом, братец, а умением.

— И ещё собираюсь спросить вас, Фадееч... Объясните мне как новому здесь человеку: что собой означает слово «Астория»? Насчёт истории слышал, а вот «Астория»...

— Это не более и не менее, как название.

— Понятно.

— Тебя, к примеру, зовут Пахомом, а вот гостиницу — «Асторией». Всякому овощу своё звание. Нельзя же гостиницу звать Пахомом, а дворника «Асторией».

— Понятно.

— Гостиницы, братец, уважают иностранные названия: «Астория», «Националь», «Континенталь», «Сан-Франциско»...

— Понятно. А с русскими именами встречаются гостиницы?

— Редко. Скажем «Гранд-отель».

— Понятно.

Пауза. Пьют чай. Но Пахома тяготит молчание. Ему хочется говорить:

— Вот смеху-то! Чистая потеха! Фрицы ведь собирались вместо нас пить чай в «Астории». Фадееч широко улыбается:

— Нет, братец, наш отель для чистой публики, а не для немецкой шваби.

Помолчав немного, Фадееч говорит:

— Выходит, что все планы Гитлера рухнули. Также и в рассуждения «Астории». Он уже задумал было тут банкет устроить... Что такое банкет, знаешь?

— Выпивка за чужой счёт.

— Это самое. Так вот он уже листовки бросал. Скоро, дескать, буду в Ленинграде и устрою в «Астории» блицбал. Я в ту пору, Пахом, сильно задумался. То есть, как мне, главному швейцару, принять этих пассажиров?

— Понятно.

Дворник на седьмом небе: наконец-то беседа приняла нужные масштабы.

— А у меня, Пахом, дочка Варя. Она хотя и девушка, но химик. Имеет орден и медаль. Изготавливает на заводе страшной силы взрывные вещества.

— Что и толковать: ныне женщинам большая воля дана.

— Вот я и говорю своему химику: «Приведи мне, Варя, все номера «Астории» в боевой порядок». Она, конечно, спрашивает, что это должно означать. Я ей объясняю, что мне желательно, чтоб в каждом номере гостиницы немцы в порядке живой очереди нашли свою погребель.

— Ой, спасибо, Фадееч! — шепчет Пахом.

— К примеру, один фриц сел в кресло — и вдруг — бац! — нет ни кресла, ни фрица. Другой пошёл умываться, открыл крантик — и вдруг бах! Голова фрица — направо, ноги — на-

лево. Потребовалось фрицу сходить, извиняясь, в уборную, дёргает он там за цепочку — и вдруг трах-тарарах!.. Одним словом, химия на службе человечества.

— Ядрёна палка! — восторженно вскрикивает Пахом, забыв все церемонии и сразу нарушив всю свою сегодняшнюю сдержанность по части изящной словесности.

— А дочка покачала головой. «Есть, — говорит она, — люди псымысты. Это чёрные вороны, которые каркают и всё предсказывают дурную погоду. И есть, — говорит она, — казённые гоптимисты. Это дурачки, которые способны плясать даже на панихиде. Ты же, папаша, — говорит она, — хороший и выдержанный товарищ. Ты, — говорит она, — настоящий ленинградец. Так неужели ты полагаешь, — говорит она, — что немцев пустят в город? Их, проклятых, будем взрывать не в номерах «Астории», а в тех волчьих норах, которые они сами себе вырыли под Ленинградом...»

Дворник чуть было не потерял всякое самообладание, но вовремя спохватился, нахому перестроился и нежно пробормотал:

— Мать честная! — и мечтательно добавил: — До чего всё складно и аккуратно! Как по радио!..

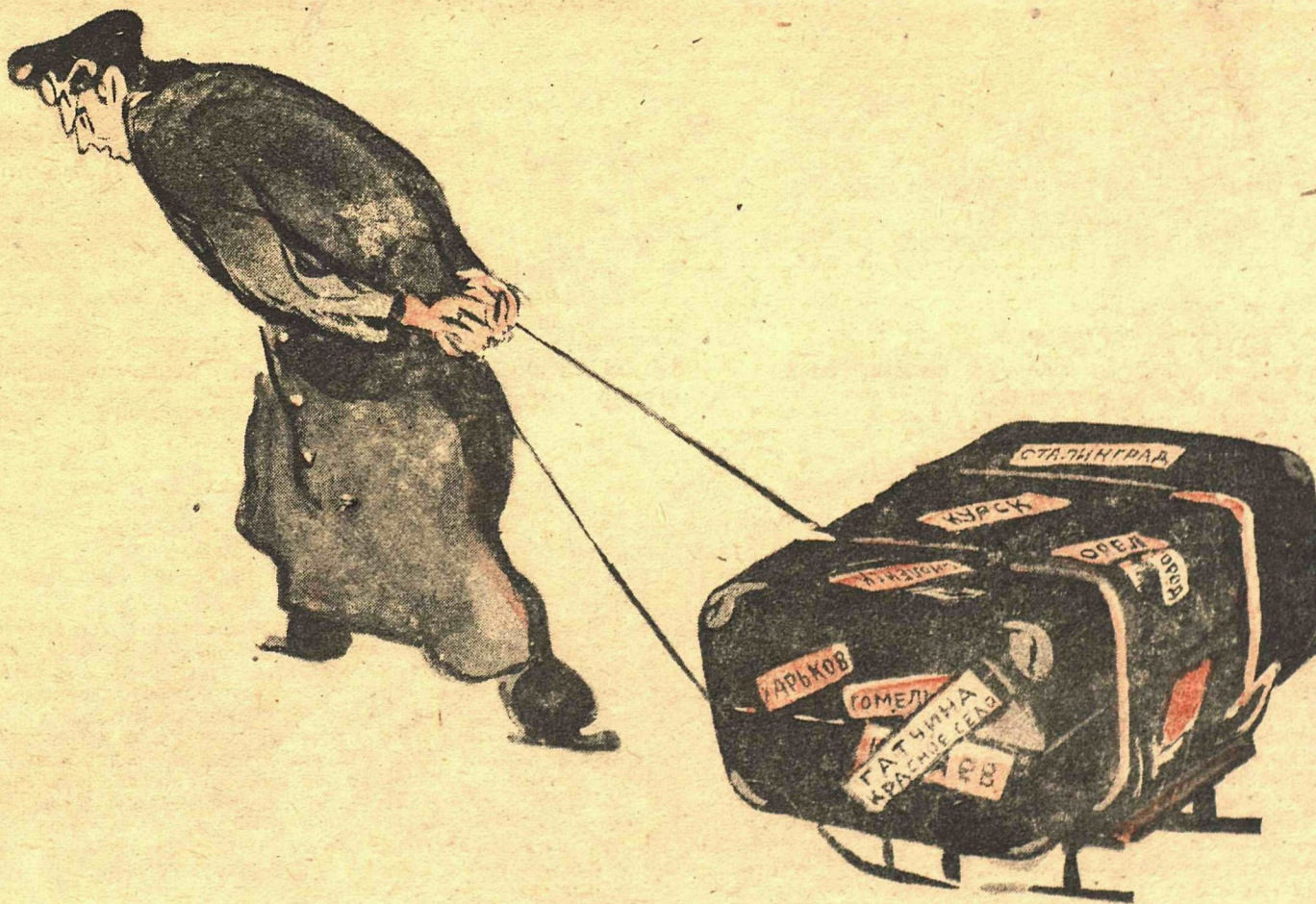
Фадееч продолжал:

— Я, конечно, поверил Вале. И, как видишь, братец, все её слова оправдались. Вот что значит настоящая химия! Стоит наша «Астория» на прежнем месте? Стоит! А немцы где сейчас? А? В каком болоте Гитлер устраивает сейчас банкет? (А? Добавь себе чайку, Пахом. Опрокинем ещё по чашечке, что ли?..

— Чай — не водка, — начал было Пахом, но тут же спохватился и, не закончив свою любимую поговорку, придвинул к себе чайничек.

Г. РЫКЛИН

Рис. В. Горяева

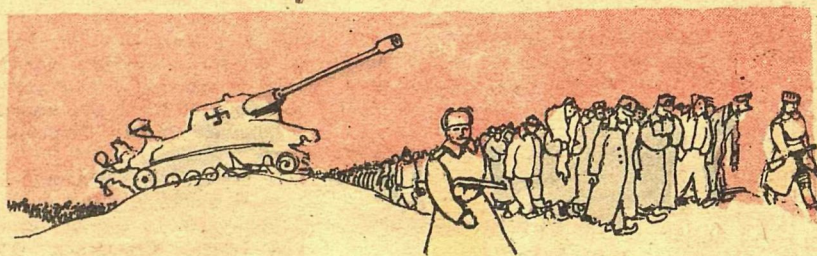

Путевые заметки обер-лейтенанта фон Доннербитц.

В бессмертных творениях Александра Сергеевича Пушкина имеется ряд наболевших вопросов, приобретших сейчас особенно животрепещущее значение. Надеемся, что наши ответы вполне удовлетворят гениального классика.

Рис. А. Каневского

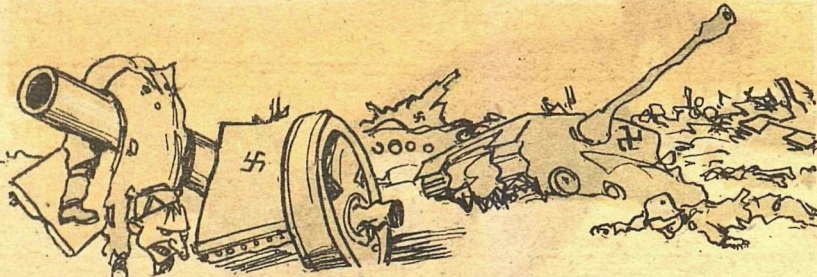

ПУШКИН: — Отчего пальба и клики
И эскадра на реке?

КРОКОДИЛ: — Это, Александр Сергеевич, ленинградский салют в честь побед Красной Армии.

ПУШКИН: — Сколько их! куда их гонят?

КРОКОДИЛ: — Подсчёт производится, Александр Сергеевич, но несколько затруднён ввиду поступления новых.

ПУШКИН: — Куда, куда вы удалились?

КРОКОДИЛ: — Примерно за 250—300 километров от Ленинграда, дорогой Александр Сергеевич.

ПУШКИН: — О, поле, поле, кто тебя усеял?

КРОКОДИЛ: — Ну, кто, как не наша артиллерия, Александр Сергеевич!

ПУШКИН: — Кто там в коричневом берете с послом испанским говорит?

КРОКОДИЛ: — Это, Александр Сергеевич, испанский посол спрашивает Риббентропа о судьбе Голубой дивизии под Ленинградом.

ПУШКИН: — Слыхали ль вы?

КРОКОДИЛ: — Слыхали, Александр Сергеевич! И ещё много таких приказов услышим.

Он не стрелял ✓

— В ОТ эта пушка была по Ленинграду, — сказал старик и ткнул в пушку палкой.

Тут бы как раз и завопить и прокричать своё последнее слово: «Пушка — да! Она безусловно была! Она стреляла, но не я. Помилуйте! Подумайте! Разве я мог! И что я, в сущности, такое, хотя бы в прошлом? Обыкновенный немецкий таз! Во мне мысли до талии, и наоборот: вылив помон, варили варенье; наконец, делали маленькие постирушки — носовые платки, пелёнки... Как видите, самые мирные, тихие занятия. Но стрелять — нет, я не стрелял!»

Он висел в кухне на гвоздике, и работы ему хватало. Так бы и текла бесконечная долгая жизнь кухонного таза между очагом и помойкой, пока не прохудилось бы доньшко и не появилась бы дырка. Но это не беда: можно было бы запаять и продолжать безмятежное существование с запаянной дыркой.

Но однажды вошли в кухню люди и сказали веско:

— Сбор металлических вещей. Тотальный. Нечего так огорчаться, майне фрау: ваш тазик послужит фатерланду. Мы с ним завоюем весь мир. Тогда у вас будут сотни тазов. Вы сможете сотни раз мыть в них ноги, вы будете варить в них тонны варенья. Хайль!

Если бы у него было сердце, оно бы дико забилося от гордости. Если бы у него была голова, она бы закружилась от тщеславия. Но у таза ничего такого не было. Он мог только сиять.

На переплавку он отправился вместе с дверными ручками. Некоторые были от дверей гостиных или кабинетов — и это ещё куда ни шло: всё-таки за них изредка держались довольно важные руки, и даже при торжественных обстоятельствах. Но были и совершенно вульгарные ручки, происходившие чорт знает из каких мест. Однако они тоже гордились: им тоже было сказано, что они завоюют весь мир. Конечно, это глупости. Но главное — завоевать, а там видно будет: кому — весь

мир, а кого — на прежнее место, в... ну в общем опять туда же в смысле общественного и социального положения.

Но таз — таз был создан для славы! И когда он, путём всяких переплавок и других сложных операций, о которых он не имел ни малейшего представления, влился в тело толстой, здоровенной, жерластой пушки и стал её составной частью, гордости его не было границ.

Теперь только стрелять, только воевать, только крошить! В куски, в щебень, вдрызг!

Пушка пёрла вперёд, палила. Можно ли было в это время вспоминать о кухне, о помоях или хотя бы даже о варенье?

Однажды пушку врыли в землю. Но то место, которое было когда-то кухонным тазом, торчало наружу и было убеждено, что оно ещё победит. Хайль!

Но есть вещи, понятные даже обыкновенному кухонному тазу. И когда пушка перестала палить, вокруг смолк испуганный немецкий говор и где-то в отдалении заглохли последние, поспешные шаги, нестерпимо заняли воспоминания о родимой кухне — майне либер кюхе! — о гвозде, с которого не следовало так легкомысленно срывать, и даже о помоях. Эх, век бы знать одни эти чисто немецкие помон, и никакой не надо славы, чорт её выдумал!

И когда строгий старик потыкал пушку палкой, так бы и надо было крикнуть в своё оправдание: «Я-то ведь не при чём! Я-то кухонный!..»

Но какая уж там кухня — эта самая кюхе, — когда трофейная пушка молчаливо и неуместно торчит на площади этого огромного города?! Женщины, идущие мимо, смотрят на неё с ненавистью и презрением, а один мальчишка с удовольствием плюнул в неё и попал, а старик вот взял и потыкал палкой.

Так её! Так ей и надо, идиотской пушке! Но он-то ведь только таз — поверьте ради бога! — обыкновенный кухонный таз!

Неужели же никто не поверит, что он не стрелял?!

В. КАРБОВСКАЯ

Рис. К. Елисева

У ТРОФЕЙНЫХ ОРУДИЙ

— Это нам папа с фронта прислал!

Записки ленинградского генерал-губернатора

НЕМЦЫ В ЛЕНИНГРАДЕ

Ноябрь, 1941 год. Сегодня фюрер назначил меня генерал-губернатором Ленинграда.

Правда, Ленинград ещё нами не взят, но это вопрос дней, и мудрая предусмотрительность фюрера произвела на всех сильное впечатление.

Меня все поздравляют. Эльза в восторге. Она уже заказала себе вечернее платье для первого нашего бала, который мы дадим в Зимнем дворце.

Завтра уезжаем в Хельсинки, а оттуда — прямо в Ленинград.

Декабрь, 1941 год. Живу в Хельсинки, в отеле «Великая Финляндия». Мне отвели роскошные апартаменты в 10 комнат.

Эльза купила себе горностаевый палантин и уверяет меня, что горностаи очень пойдёт к Зимнему дворцу, где мы будем с ней жить.

Январь, 1942 год. Сегодня весь день думал над вопросом, где воздвигать виселицы, когда мы возьмём Ленинград: только на площадях или также и на улицах? Решил: и на улицах.

Из Берлина приехал ко мне скульптор Шмерке посоветоваться насчёт памятника фюреру, который мы поставим на Дворцовой площади.

Заодно заказал памятник и себе. Всё-таки я первый германский генерал-губернатор Ленинграда. Эльза тоже захотела заказать себе памятник. Пришлось заказать.

Март, 1942 год. Третьего дня на фронт уехал мой начальник канцелярии, с тем чтобы выяснить примерные сроки нашего переезда из Хельсинки в Ленинград, а сегодня я получил сообщение, что он убит.

На ночь читал справочник «Весь Ленинград» — советское издание. Слишком много Ивановых, Поповых и Смирновых! Решил повесить по 75% от каждой фамилии.

Эльза купила 20 электрических каминов: в Ленинграде холодные вёсны, а в Зимнем дворце плохое отопление.

Август, 1942 год. Ленинград нами ещё не взят.

Ноябрь, 1942 год. Ещё не взят.

Январь, 1943 год. Не взят.

Февраль, 1943 год. Ленинград нами не взят, но русские взяли под Сталинградом в плен всю нашу 6-ю армию с Паулюсом во главе.

На меня лично тоже обрушился тяжёлый удар: мне сократили расходы на представительство, и я теперь живу не в 10, а в 5 комнатах. Эльза очень огорчена.

Март, 1943 год. Не взят.

Май, 1943 год. Расходы опять сократили. Живу в 3 комнатах. Финны мне хамят. Эльза продала 15 из 20 электрических каминов.

Сентябрь, 1943 год. Живу в одной комнате. Имперская канцелярия довела мою смету до такого предела, что я скоро буду ходить по улицам Хельсинки с протянутой рукой: «Подайте на хлеб ленинградскому генерал-губернатору!»

Эльза ухитрилась продать мой памятник какой-то финке, у которой муж умер от военных огорчений. Я будто бы оказался как две капли воды похожим на этого покойного финна. Вот уж не ожидал, что буду стоять не в Ленинграде, на Невской набережной, а в Хельсинки, на кладбище, да ещё под мужской фамилией!

Январь, 1944 год. Всё кончено! Русские под Ленинградом перешли в наступление. Мы отступаем.

Эльза весь день ходила по рынку — продавала на толкучке горностаевый палантин. Продала за четверть цены.

Февраль, 1944 год. Уезжаю из Хельсинки. Я получил новое назначение: теперь я уполномоченный по борьбе с паникой в одном важном бомбоубежище в Штеттине.

Эльза купила себе стальной шлем и ватные солдатские штаны.

Февраль, 1944 год. На вокзале в Хельсинки получил телеграмму: в связи с прямым попаданием четырёхтонки моё назначение на пост уполномоченного по борьбе с паникой в одном важном бомбоубежище в Штеттине отменяется. Мне предложено просто ехать в распоряжение имперской канцелярии. Господи, что-то будет?!

Леонид ЛЕНЧ

АРГО

По Невскому проспекту
Идут субъекты...
Идут и ёжятся на ходу...
Унтеры и юберы всякие,
Мимо арки Главного штаба идут,
Мимо Исаакия...

Мимо
Сенатской площади —
марш,

Мимо Росси,
мимо Растрелли — вали!
Мимо тех зданий — какой кошмар! —
Что сами они
расстреливали!

А тут кругая пришла полоса,
Значительный шанс провален...
И шепчет один из них:

— Колоссаль!
Другой бормочет:
— Ферфаллен!

Иной констатирует грустно:
— Капут!
Иной с тоской признаётся:

— Шанде!
По улицам Ленинграда идут
Немецких пленных команды...

Кто бы ты ни был: Курт или Фриц,
Эсэсовский обер, «тотальный» унтер,—
Тебя манил стремительный блиц,

Тебе не по вкусу такой цугундер!
Ты стоял на пороге этой земли
Двадцать восемь месяцев кряду.

И вот,
из Петергосфа тебя ушли,
И пришли тебя к Ленинграду.

Тебя пришли, пришили, пришилили,
Тебя ведут по заветным торцам
Мимо

Адмиралтейского шпиля,
Мимо Эрмитажа
и Зимнего дворца.

Что ж! Теперь этот город тобой освоен,
Ты вступил — наконец-то! —
в советский тыл,

Правда, безоружный,
правда, под конвоем,
И с побитой рожей,

но всё же
вступил...

Рис. Бор. Ефимова.

Гитлер неоднократно заявлял, что Ленинград скоро падёт, как созревший плод.

— Вот-вот созреет!..

Созрел!

Весь путь из-под Ленинграда до Пскова генерал Линдемманн проделал в блестящей спортивной форме (свою генеральскую форму Линдемманн не успел надеть).

Радостный конфуз ✓

НЕДАВНО с бабушкой Марфой конфуз приключился.

Она у нас старуха боевая, заслуженная, обстрелянная — медалью «За оборону Ленинграда» награждена. Не то двадцать восемь, не то тридцать зажигательных бомб своими руками потушила. И огород у неё был наособицу хороший: овощи — большие, сочные. Бабушка Марфа прикидывала, примеривала, да и выбрала для огорода участок у самого что ни на есть переднего края.

Бойцы ей говорят:

— Вы бы, бабушка, назад маненько подались. Место-то не того... беспокойное.

— А ну-ка,— отвечает бабушка,— у нас и на Невском спокойно. Уж я лучше здесь огород устройю: сюда мальчишки не будут лазить...

Бабушка Марфа на огороде, под огнём, работала спокойно, а вот в городе, на улицах, очень боялась снаряда. «Как-то оно, знаете, неприлично,— говорит.— Идешь по своей Бассейной, а в тебя боши из пушек бьют...» Бошами она немцев ещё с прошлой мировой войны называет.

На этой почве и конфуз с бабушкой произошёл.

А конфуз с ней случился из-за ленинградского салюта.

Перед Марсовым полем, около памятника Суворова — там главный центр салюта был,—

встретил я бабушки Марфы внучку. Хорошая девушка, токарем на заводе работает. Лизой её звать. Вместе мы стали салют слушать и на ракеты любоваться. Радостно было. Очень хорошая девушка! И когда в последний, двадцать четвёртый раз ахнули триста двадцать четыре пушки, пошли мы с Лизой вместе домой.

На улице темно, гололеда... Свернули с Литейного на Бассейную. Вдруг Лизочка остановилась.

— Почему остановка? — спрашиваем.

— А вы послушайте,— отвечает,— голос-то из-под ворот бабушкин...

Подвинулись мы ближе и слышим:

— Ну-ну, порядочек!.. Боши по городу палят, а у нас и тревоги не объявляют!..

Вошёл я под ворота и говорю:

— Чего это вы, бабушка Марфа, волнуетесь?

А Лизе не терпится, видать:

— Это же, бабуся...

Но я перебил её нарочито суровым голосом:

— Не встревайте, Лизочка, в разговор! Имейте уважение к старшим.

Бабушка меня поддержала:

— И впрямь, Лиза, тут разговор серьёзный, а ты фырк-мырк.

— Ну ладно,— говорю,— не сердчайте, бабушка Марфа... Расскажите лучше, как тут у вас.

— Сам знаешь, как... Земля ходуном ходила... Никогда такого не видала... Как ухнет, как ухнет — и сразу светло, как днём, не иначе осветительные на парашютах... И какие-то штуки сыплет, белые, красные, зелёные... Одна, белая, как зашипит, задымит, да на ту вон поленницу бряк. Ох, думаю, мать честная: как разгорится термит-то, запольхает!.. Кругом грохочет всё — страх, а я бегу и думаю: «Вот я её, поганку, за стабилизатор да в снег!..» Подбежала, а она,— тьфу, тьфу! — и погасла...

— Вы, что же, радио не слышали? — спрашиваю бабушку.

— У Игошинных я была, а там радио порченное... Только на улицу вышла — а он как вдарит, как вдарит и пошёл!..

— Так то же не он, а мы... То город наш Ленинградскому фронту салютовал. Победу праздновал!

Бабушка выслушала наши сбивчивые рассказы о приказе по войскам фронта, о салюте, о ракетах, которые она приняла за невиданные немецкие «зажигалки».

С минуту она громко смеялась, потом всплеснула руками и сказала:

— Конфуз-то какой! Эх я, голова садовая!..

Ленинград.

Ник. ВОРОНОВ

Рис. Ю. Гапфа

Потомки прибыли.

«НИКАКИХ ИСПАНЦЕВ!»

На Волховском фронте разгромлен «Испанский легион», сформированный из остатков «Голубой дивизии». Значительное число испанских солдат взято в плен.

От Севильи до Гренады
Собирал Мадрид бродяг:
Получили те отряды
Голубой фашистский флаг.

И пошли, ища наград,
Рейсом «Франко Ленинград»...
Только там, порвав шинели
И ломая каблуки,
«Голубые» посинели,
Встретив красные штаны...
И пошли под белым флагом
В русский плен испанским шагом!

Борис ТИМОФЕЕВ

Ленинград.

ОПАСНЫЙ НОМЕР

ЖЕЛАЗА развлечь «фюрера», впавшего в тяжёлую прострацию после ленинградского поражения, друзья, выбрав минуточку просветления, повезли бесноватого в цирк.

На арене работали гимнасты на кольцах. Гитлер долго и пристально вглядывался в блестящее кольцо и вдруг завыл на весь цирк. Номер немедленно прекратили. Перепуганный директор бросился в ложу Гитлера. Тот с пеной у рта, не в силах выговорить ни слова, яростно тыкал пальцем в злосчастное кольцо, которое, не чувствуя за собой никакой вины, плавно покачивалось на канате над пустой ареной.

Наконец Гитлер обрёл дар речи:
— Ко-кольцо? Кольцо блокады??? Намёк? Убраты!!
Через пять минут машина гестапо увозила группу гимнастов, прихватив заодно и директора цирка.

Ленинград.

А. ФЛИТ

ДВА ГОДА И ДВА ДНЯ

Южнее Ораниенбаума наши войска прорвали в два дня немецкую долговременную оборону.

Немецких вырождков порода
Бежит, судьбу свою кляня.
Так доказала мощь огня,
Что два коротких русских дня
Сильней, чем два немецких года.

ЕСЛИ БЫЛ...

Дитмар Геббельсу:
Помогите, бога ради:
Что мне врать о Ленинграде?
Геббельс Дитмару:
Если б я секрет узнал,
Я бы сам, мой друг, соврал!

ГЕРР, ИМЯ РЕК,
У РУССКИХ РЕК

Рис. Кукрынигсы

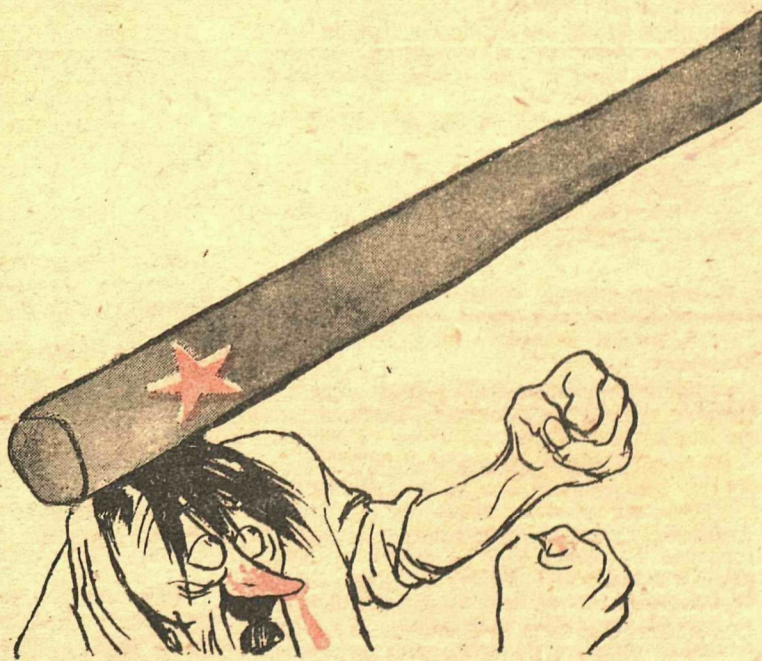
1. Ударил Адо́льфа на Волге.
— Это что! — сказал он. — Пусть попробуют ударить на Дону.

2. Что ж, ударили и на Дону.
Почесался Адо́льф и сказал:
— Это что! Пусть попробуют на Днепре!

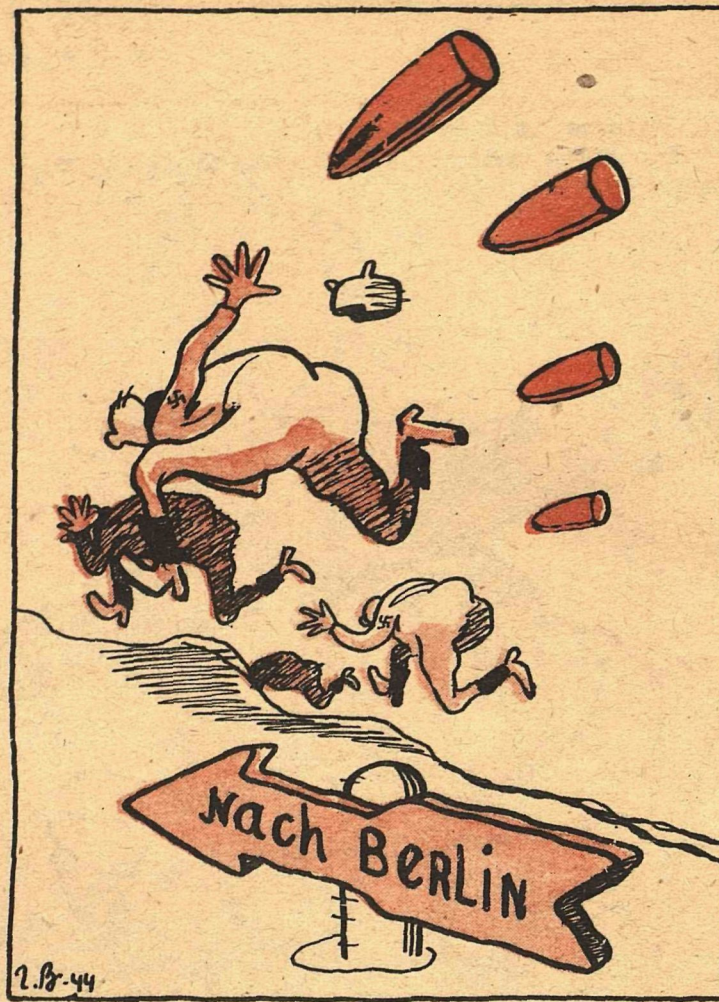
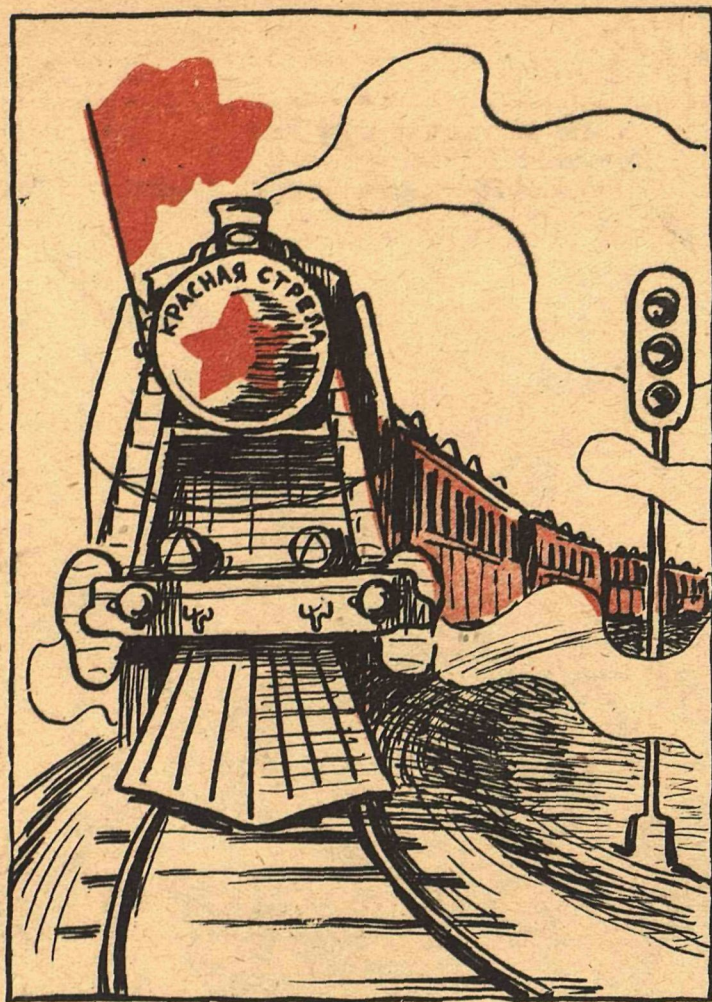

3. На Днепре — так на Днепре.
Хлопнули его, а он всё хорохорится:
— Это что! Пусть на Неве попробуют!

4. Пожалуйста! Вот тебе и Нева!

КУКРЫНИГСЫ 44

Две стрелы..

ИЗ БЛОКНОТА

КОРРЕСПОНДЕНТА КРОКОДИЛА

После взятия одного опорного пункта на Ленинградском фронте разведчикам-лыжникам было приказано прочесать лес и установить, имеются ли там немцы.

Лыжники пошли по целине. Вскоре им стали попадаться небольшие группы немцев без оружия, с поднятыми руками, хором провозглашавшие «Гитлер капут!»

Командир лыжников послал одного бойца с донесением.

— Ну что, — спросил его лейтенант, — есть там немцы?

— Имеются, товарищ лейтенант, только те которые... капутулирующие.

* * *

К вечеру привели группу фрицев, ободраных, обросших, с глазами голодных волков. — А это что за звери? — спросили в штабе батальона.

— Какие-то дальние драпальщики... Всё спрашивают: какого мы фронта, не Ленинградского ли? — пояснил сержант.

Из группы фрицев решительно вышел низкорослый круглолицый немчик и стал пояснять:

— Мне всё равно, я инфантери... я пехота.. А они артиллерия, тяжёлая артиллерия. Они стреляли по Ленинграду и боясь сдаться в плен ленинградским солдатам. Обер-фельдфебель говорит, что у ленинградцев к немецким артиллеристам особый счёт имеется. А я шофер, я только снаряды подвозил, мне всё равно..

* * *

После жаркого боя на обочине шоссе дороги отдыхает несколько КВ. На башне переднего танка сидит здоровенный танкист. Монумент. Лицо, руки, куртка танкиста — всё одинаково черно от пороховых газов и отработанного масла.

Сверкают одни только зубы, когда танкист подносит ко рту крупнокалиберную алюминиевую ложку. На коленях у танкиста полный котелок с супом.

Поровнявшийся с танком ездовый придержал лошадь и авторитетно оценил танк и танкиста: — Ничего не скажешь! И конь хорош, и казак под рост подобран.

В это время рядом с танком остановился конвой, сопровождавший группу пленных.

Один фриц положил руку на броню КВ и не без печали заявил:

— Руссиш панцер гут! Русски танк карош! Услышав изложенную выше репликацию фрица, танкист окинул немца уничтожающим взглядом, и голосом, который мог бы поспорить с паровозным гудком, протрубил:

— Чт-о-о-о?

Немец обмер. Он заморгал глазами и что-то беспомощно залепетал. Видя, что танкист неспеша положил ложку и намеревается встать, фриц вытянулся в струнку и громко отрапортовал:

— Руссиш панцер зеер гут! Зеер гут! Очень карош! Очень!

— Ах, очень? То-то же! — успокоительно сказал танкист.

* * *

Уже стемнело, когда в распоряжение танкистов прибыли сперва два немецких мотоцикла, а за ними штабная бронемашина, из которой выскочил обер-лейтенант, пожелавший узнать, где он и с кем имеет дело.

Танкисты, прежде чем удовлетворить любопытство немецкого обер-лейтенанта, решили познакомиться с пассажирами бронемшины. Подойдя к ней, они вынуждены были услышать протестующие вопли одного немецкого полковника, глубоко эшелонированного внутри броневика.

Выведенный на свежий воздух, немецкий полковник вывел нестойкими ногами парочку замысловатых коньделей и заявил, что он пил настоящий коньяк. И в заключение заговорил по-русски. Тогда капитан Гречка задал немцу вопрос: откуда и куда они изволили следовать?

— Я спешу к Ленинграду, к городу Пушкина, где должен встретить и принять один немецкий гренадерский полк. Он вчера вышел из боя. Я беспокоюсь за его судьбу.

— Можете не беспокоиться, — сказал расстроенному немцу товарищ Гречка. — Гренадерский полк уже встречен и очень хорошо принят. Кроме того он не только вышел из боя, но на всегда вышел из строя.

— Здесь же немецкий тыл! Это невероятно!

— Но факт!

— Я не буду славаться в ваш плен, — известил танкистов немецкий полковник. — Я попал к вам по вине плохих офицеров нашего штаба. Я буду их ругать очень скверными словами.

— Завтра мы надеемся раздолбать ваш штаб и обещаем вам передать его офицерам все ваши скверные слова.

— Хорошо, — удовлетворился немец. — А какое обслуживание полагается пленному немецкому офицеру?

— В первую очередь конвой.

— Я под конвоем не пойду. Я поеду на своей бронированной машине с адъютантом... У меня в машине есть ещё 20 бутылок коньяку.

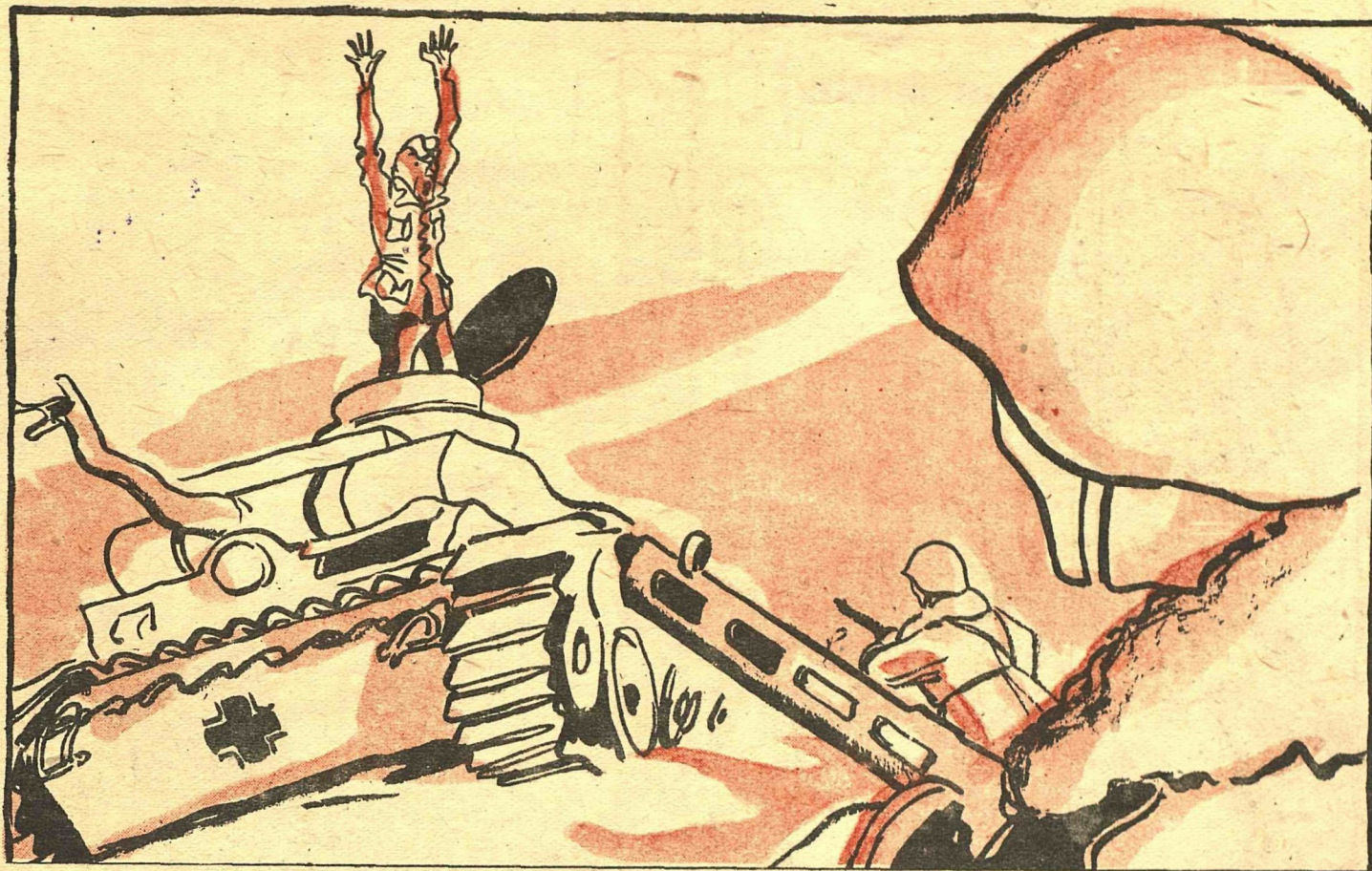
— Послушайте, герр... Вас ждут три советских автоматчика. Вот они!

Немец взглянул на автоматчиков и печально, но вежливо сказал:

— Если вы так настаиваете...

Майор М. ЭДЕЛЬ

Действующая армия.

...И пленник, немец аккуратный... не раз
Уж открывал свой васисдас.

Л е к ц и я ✓

Барон фон Гринвальюс,
Сей доблестный рыцарь,
Всё в той же позе
На камне сидит.

Козьма Прутков

В АУДИТОРИИ одной из современных немецких школ эрзацлейтенантов было шумно: в одном углу будущие эрзацлейтенанты в возрасте 14 и 15 лет играли в пёрышки, в пятнашки, в чехарду, а в другом конце зала кандидаты в эрзацлейтенанты, призванные по «тотальной мобилизации», хрипло кашляли и оживлённо обсуждали способы лечения ревматизма, геморроя и хронического расстройства желудка.

Внезапно в аудиторию вошёл начальник школы. За ним плёлся, опираясь на костыль, унылого вида капитан с физиономией, которая вся несколько сместилась набок, как видно, от хорошего сабельного удара.

— Господа! — горжественно возгласил начальник, подождав, пока все успокоились. — Господа! Позвольте представить вам вашего нового преподавателя тактики. Барон фон Гринвальюс — заслуженный офицер, который с начала кампании был на русском фронте. Сейчас барон пострадал при эластичном выпрямлении линии наших войск под Ленинградом и потому назначен к нам. Я надеюсь, господа, что вы примете вашего нового руководителя со всем тем уважением, на которое он вправе...

Пока журчал начальник, будущие эрзацлейтенанты уныло разглядывали шрам на роже своего нового преподавателя и соображали про себя: «Надо думать, это казачья сабля...»

Наконец начальник ушёл, и кривомордый капитан, ещё более скрививши рот, начал:

— Итак, господа, мы с вами знаем, что современная война носит характер — какой?

— Маневренный! — бойко ответило несколько голосов.

Барон отрицательно покачал головою:

— Не маневренный, а, конечно, позиционный.

— А нам до вас объясняли, герр барон, что маневренный.

— Ну, разумеется: позиционной война бывает до тех пор, пока не начинается прорыв. То есть, это — выпрямление линии фронта. Тогда, конечно, приходится маневрировать. Да. А до этой стадии наш полк, например, сидел на одних и тех же позициях два с половиной года. Запишите это!

Слушатели послушно прошелестели раскрываемыми тетрадями и записали в них: «Сидеть 2½ года под Ленинградом. Потом бежать».

А лейтор продолжал:

— Из чего складывается подобное длительное пребывание на одних и тех же позициях? Ну, во-первых, надлежит озаботиться тем, что бы дзоты были крепкие, щели — аккуратные, траншеи — в подный профиль. Всё это, поскольку русская артиллерия очень крепко работает. Плюс мы имеем ещё батареи красного военно-морского флота плюс воздушные налёты. Записали?

— Записали.

— Теперь: учтите ещё вылазки русской пехоты... Да что там вылазки! Просто-напросто разведчики русские нет-нет и уволочут к себе наших солдат, наших офицеров. А уж перебьют несколько человек, так это уже как пить дать. Плюс нападения партизан. Записали?

— Записали.

— Дальше. Самый быт нашей армии в таких условиях — очень устоявшийся. Ну, естественно, шахматы, домино, карты, поножовщина... Нет, поножовщину не пишите! Много и шулеров среди офицеров — тоже учтите. И про шулеров записывать не надо. Кроме того очень хорошо налажен обмен барахлом между собой. Цены на всё стоят твёрдые... Между прочим, высоко котируются похабные карточки. Знаете, за фотографию средней похабности дают от двух дамских лифчиков до детского одеяла... Если у кого есть венерическая болезнь, только там и лечить: времени хватает!.. Да! Особенный спрос на анекдоты. Знаете, когда два с половиной года посидишь, так без анекдотов просто карацун... Это запишите!

— Уже.

— Ну, а потом, значит, начинается драп... кхе... это — как её? — эластичное перебазирование с позиций двухполовинчатой давности на позиции, рассчитанные на одну-две ночи. Тут, конечно, в смысле тактики и быга всё меняется. Но об этом поговорим в другой раз. Вопросы имеются?

— Если разрешите, герр барон.

— Пожалуйста.

— Герр барон, на каком участке фронта вы предполагаете возможность такого позиционного сидения в ближайшее время?

— Гм-м... Я думаю... Как видно... Скорее всего ни на каком участке.

— Тогда зачем же...

— Зачем я вас этому обучаю? Видите ли, я за всю войну ничего другого и не видел. Ну, что же... Лекция окончена... Вы свободны, господа.

В. АРДОВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор). Рукописи не возвращаются
Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24, тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедневно с 1 до 5 час. Подписная цена на журнал — 1 руб. 80 коп. в месяц.
Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда»

Москва. Изд. № 206. Подп. к печати 10/III 1944 г.

Статформат 72×105 см.

Печ. л. 2.

Кол. экз. в 1 печ. л. 78 000.

А5111. Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

Заказ № 474.

Тираж — 100 000 экз.

49/

ОБЯЗАТ. ЭКЗЕМПЛЯРЫ

18.12.1944

Всес. Кн. Палат. Получены

Рис. Ю. Ганфа

Период и серия	„Лет“	„Журн. лет“
Получ. в ред.	20/10	

1054

16/44

Точно уложились в календарные сроки.